

«Как нам бороться с собственной дикостью — не знаю»

НАЧАЛО НА 1-й СТР.

считаю, что нельзя поступаться принципами. Только принципы у нас с ней разные. У нее — классовой борьбы, диктатуры пролетариата. У меня принципы другие, четко изложенные в христианской морали. Эти принципы определяют степень порядочности человека. Если опираться на такие принципы, общественный строй становится не столь важным. Когда человек внутренне свободен, ему все равно, при каком строе он живет. Он сопротивлялся тоталитаризму, он будет сопротивляться безудержному буржуазному строю. Так вот: интеллигенция должна соблюдать эти принципы и проводить их в жизнь. Интеллигенция в России обладает качественно иными признаками, чем интеллигенция в других странах. В России интеллигенция — это, как сказал Бердяев, «особый духовный орден общества». Она всегда была выразительницей чаяний народа. Первый интеллигент, можно сказать, был Радищев — богатый дворянин, который вдруг ужаснулся тому, как живет простой народ. У русской интеллигенции это в крови.

Сейчас не сделать бы другой ошибки. Не перейти бы на позиции западного интеллектуализма: было бы мне хорошо, а остальное — гори огнем. Да, наших музыкантов и ученых с удовольствием примут на Западе, но мы превратимся в малообразованное общество и уж точно станем страной третьего мира, если не четвертого. Когда солдаты и люмпены громят магазины в Заире, то это очень близко к нам. Пугачевщина всегда была у нас в крови. Только экстремально бескультурные люди типа Жириновского и Невзорова обращаются к толпе и говорят: «Ученые, интеллигенты, живут не тужат, а вы на них пашете...». Простой человек должен понимать, что ученый обязан ходить в белой рубашке и сидеть за столом, иначе у нас и хлеб расти не будет.

Если руки не в мозолях, то ты вроде и не работаешь. Вот подход люмпена. Сознательно к нему обращаются преступники. К нему так обращался Гитлер, сейчас Жириновский и — во многом — Гамсахурдиа. В результате интеллигенция изгоняется из Грузии.

Можно и в Москве так сделать. Сказать: зачем нам так много писателей, художников, журналистов? Они нам не нужны. Пусть уезжают. Или пусть подметают улицы. Таков был китайский подход в годы культурной революции. Что получилось — вы знаете. Общество было отброшено на годы назад. Не допустить этого — задача интеллигенции.

— В ваших пьесах герои обязательно против чего-то восстают или за что-то борются. Против лжи и ханжества, насилия и унижения человеческого достоинства, за любовь и возможность быть не как все... А против чего восстаете и за что боретесь вы, драматург Горин?

— Вообще-то я борюсь против безумия начальной стадии рынка, которую уже болезненно ощущаю. Нам хочется капитализма с человеческим лицом, но история учит, что на ранней стадии развития капитализация характеризует резким взлетом преступности, полным неуважением к правам и достоинствам человека. Это меня не устраивает. Я как драматург и писатель занимаюсь моралью. Кушнер правильно сказал: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Времена мы не выбрали. Рвать на себе волосы, кричать, почему я раньше не уехал или не родился в прошлом веке, — бессмысленно. У тебя есть выбор как у свободного человека — оскотиниться, уйти в уголочку, забыть все нормы нравственности, продать дочку в проститутки или, наоборот, сказать: «Да, ребята, лучше я от чего-то откажусь».

Сейчас за пьесу, которую я написал для «Современника», платят четыре тысячи рублей. Театр напрягся и выплатил еще тысячу — за год работы. Есть предложения что-то быстро слепить, и кооператив мне заплатит сто тысяч. Но я понимаю, что это опасный путь. И эти деньги обратятся в прах, а серьезную пьесу я уже не напишу.

То есть проблемы те же, что у всякого нормального человека. Можно продавать в магазине хлеб, а можно из-под полы наркотики и заработать в миллион раз больше. Дело совести человека, будет он этим заниматься или нет.

У меня цель — в совершенствовании своей души и своих близких. И еще в утешении человека. Это очень важная функция искусства, которое объясняет человеку, что жизнь сама по себе сложная вещь. А юмор мой, когда страна летит в пропасть, спасительный парашют. Кто-то должен смягчить падение.

И еще. Я яснее ощутил свое предназначение писателя, когда вступил в борьбу с ночным клубом, который открыли у нас в доме.

— И вы настолько серьезный противник, что они как раз в момент нашей беседы придут к вам, чтобы замерить уровень шума и вибрации?

— Видите ли, в этой борьбе с ночным клубом сошлись все те проблемы, о которых мы с вами говорили: и о чертах, при-

сущих ранней стадии капитализации общества, и о предназначении писателя, интеллигента.

В нашем доме советско-шведская фирма открыла ночной клуб. Целую неделю из-за этого люди в доме не спали. Шум, вибрация. У моей соседки — она ветеран войны, разведчица — травма головы. Вибрация вызывает у нее не просто головную боль, она буквально сходит с ума. Старушка со второго этажа вынуждена была уехать из квартиры, не могла спать. И все обращаются ко мне. От меня исходит основной импульс протеста, у меня есть доступ к средствам массовой информации. И, быстро поняв это, именно ко мне и приходят замерять уровень шума и вибрации очень вежливые шведы.

Вежливость вежливостью, но они вложили в дело большие деньги, и так просто они эти деньги не отдадут.

Правда, в самой Швеции в центре города клубы работают до 23 часов. В Германии, если кафе в жилом доме, то в 23.30 в нем гаснет свет, иначе жильцы вызовут полицейского и будут неприятности. То есть права человека уважаются и безоговорочно выполняются. А у нас, в ту самую ночь, когда клуб открылся и мы все не спали, я позвонил начальнику 108-го отделения милиции и сказал: «Сделайте же что-нибудь!». А он мне ответил: «А что я могу?». Я закричал: «Ты же москвич, это твой город, ты власть. Что ты боишься шведов? Полтавскую битву выиграли, а тут...».

— Ну, попробую, — сказал он. И от того, что в своем родном городе он сказал: «Попробую...», — мне стало жаль и его, и себя. Это немисливо ни в какой стране, кроме нашей.

А музыку все-таки отключили. Значит, власть есть, только мы не умеем ею пользоваться.

Когда я с протестом против ночного клуба в жилом доме пришел в мэрию, женщина, которая ведала там культурой, сказала: «Ну что же делать? Мы попали в рынок. Все же хотели этого...».

Да, мы хотели рынка, но настоящего, умного, рационального. Я как москвич, как патриот не понимаю действий мэрии, которая так легко отдала центр иностранцам. Я не ставленник «Памяти», которая вопит: «Иностранцев вон!». Но я твердо знаю, что в привлечении иностранного капитала должны быть пропорции и самоуважение. На Пушкинской, вдумайтесь, Пушкинской площади, и «Макдоналдс», и реклама «Кока-Колы», и здание Дома актера продали швейцарцам. Осталось только памятник Пушкину заменить на памятник Байрону,

поскольку иностранцам проще видеть своего поэта. Теперь вот в нашем доме — ночной клуб. Только невежественные люди не могут понять, какой «очаг ночной культуры» будет в здании, где расположены музей-квартиры Коненкова и Гольденвейзера, где жили Марецкая, Плятт, Мартинсон и другие известные мастера искусства. Когда архитектор Мордвинов в 30-е годы строил этот квартал, он хотел, чтобы в его домах жили коренные москвичи и люди, несущие духовность. Исторически сложилось, что центр во всех столицах и больших городах был и остается и центром культуры. В Гамбурге, например, притоны и ночные дансинги работают в районе порта. И деньги, который этот город получает за увеселительный квартал, он отдает на культуру.

Москва же как заштатный провинциальный городишко продала иностранцам самое дорогое место, не понимая, что даже те миллионы долларов, которые она получает за это сегодня, завтра превратятся в копейки. А место не вернуть.

Когда же мы поймем, что как мы к себе относимся, так и к нам будут относиться! Нашими же стараниями господа из фирм понимают, что мы — то же Конго. Если русские продают центр — почему не купить? А на памятник Пушкину можно написать по-английски «Пушкин».

Мы плохие экономисты и патриоты. Мы продаем самбе дороже, как когда-то бабки за несколько рублей продавали древнюю икону. Гордость и художественная ценность Москвы — ее центр.

«Макдоналдс» — прекрасная столовка, но если она одна в самом центре, то она становится посмешившем над достоинством москвича. Эту безумную очередь администрация «Макдоналдса» не ожидала. И дирекция ночного клуба не ожидала огромной толпы у входа до 3 часов утра.

Не может быть в девятимиллионном городе один «Макдоналдс» и один ночной клуб. Их надо открывать сразу пять, тогда они конкурируют, и открывать в специальных местах, где это можно взять под контроль.

Я не понимаю, почему в районе Центрального телеграфа магазины отдали сразу четырем парфюмерным фирмам? Потому что дешево переделают? Для города важны разные магазины. А очередь стоит. Тверской бульвар — историческое место, а мы его превращаем в «едалный» центр.

Быстренько преобразовать центр в 42-ую стрит, Нью-Йорка, где расположены увеселительные заведения, это больше, чем глу-

пость. Всегда умные правители стараются толпу развести. У нас не так. И будет скоро 42-я стрит, бывшая Тверская, бывшая улица Горького.

— Пушкинская площадь давно превратилась в вульгарную «Пушку»...

— Да, когда вы отсюда идете по переходу под площадью, на стене надпись: «Смерть жидам!». Я бы давно сам ее стер, да хочу посмотреть, сколько провисит. А люди идут как ни в чем не бывало. Порнография и «Память» в центре — не случайно. Микроклимат этого места изменился. Трагедия началась с пожара ВТО. Когда эти руины встали как символ нашей культуры, обжаренные, превращенные в туалет, то туда и тянутся люди с определенными политическими взглядами. Никому в голову не приходит простая вещь. Позовите театральных художников и пусть они, как это делается в Италии, превратят забор в произведение искусства, своеобразные декорации. Нет, Никому нет дела до того, что миллионы людей каждый день там проходят, видят грязь, слушаются митингов «Памяти», видят низкопробную литературу, непристойные надписи на стенах.

Каждый день у миллионов идет разрушение духовного слоя этого города. Так что удивляться, что кого-то ножом пирнули, или дочку изнасиловали? Здесь мэрии не надо широкоэстетических заявлений. Надо просто и твердо власть употребить. И это будет и понято, и принято. Ведь это лицо города.

Сколько прошло времени, а никаких мер не принимается. Видимо, руководство мэрии ездит на машинах и не видит этого. Правда, есть и префект, но он, конечно, тоже занят.

А ведь в этом и есть умение руководить. Видеть в так называемой мелочи — большую проблему. У нас исполнительная власть еще не построила взаимоотношений с горожанином. Для нее Горин, Иванов, Сидоров — это жалобщик, а не тот, кто платит налоги, кто голосует за них. Ну, не голосуй, не плати... Но когда речь идет на таком уровне, вырастает тот беспредел, в котором мы сейчас сидим.

Наши лидеры все равно набьют много шишек, их будут критиковать, но они должны идти своим путем не колеблясь, помня о том, какой великий город представляют. Только тогда их потом вспомнят с благодарностью.

Беседу вел Л. НЕКРАСОВА.